

Мир реальный и сказочный

В мастерской под самой крышей старого дома, где огромное окно смотрит на уходящие к горизонту крыши с антеннами и оказавшуюся совсем рядом колокольню, а на стенах картины, наполненные ярким пронзительным цветом, так контрастирующим с холоноватой и прозрачной атмосферой города, летит «Птица-тройка», плыют таинственные ладьи Китежа, а рядом — легендарный поэт-партизан Денис Давыдов и Катерина из «Грозы»... Здесь уже несколько десятилетий живет и работает один из старейших художников театра Георгий Николаевич Мосеев. В его станиковых произведениях, непосредственно с работой над спектаклем не связанных, звучат темы оформленных когда-то спектаклей. Сам же художник — не пассивный бытописатель, а творец праздника. Это видение мира формировалось у Мосеева в 20-е годы.

— Я не прошел «академической» школы. Учился в художественно-производственном техникуме, который готовил макетчиков, художников-исполнителей, костюмеров, то есть тех, кто своими руками создает чудо театра. Моя школой стала клубная сцена, оформление массовых празднеств, трудная, напряженная, бурная художественная жизнь Ленинграда тех лет.

Широкую известность имя художника получило после оформления им лермонтовского «Маскарада» на сцене Московского театра имени Евг. Вахтангова.

— Меня учили «онончанием техники и «Маскарадом», — вспоминает Георгий Николаевич, — прошло немало лет. Это была «вторая ступень». Я работал макетчиком в Академии

мическом театре оперы и балета, помогал художнику, который составил целую эпоху в истории советского театра, — Владимиру Дмитриеву. А потом уже был «Маскарад». Вы же знаете историю хрестоматийной постановки «Маскарада» Вс. Мейерхольдом в оформлении А. Головина — премьера ее прошла накануне свержения самодержавия. А мой спектакль, — несет вдохновленный художник, — накануне Великой Отечественной.

Премьерная афиша «Маскарада» датирована 21 июня 1941 года. Напавшая война нарушила планы страны, разрушила она и замыслы художника. Страшный 1942 год он провел в блокадном Ленинграде, участвуя на офицерских курсах.

— Изредка бывая дома — я жил тогда на Моховой улице, — не мог не брать в руки карандаш от которого отвыкал в казарме. Рисовал то, что видел: комнату с печной-буржуйкой, окно, выходившее на улицу...

Так возникла немногочисленная, но блестящая серия графических листов Мосеева. Внешне скромные и неброские, они настолько емки и выразительны, что становится ощущимой не только художественная их ценность, но и значительность

творческой личности автора. Такова работа «На Моховой. 1942 год»: заваленная снегом улица, упавший навсегда пешеход, пустые глазницы окон разрушенного дома и так соответствующий настрою чужой патиорморт, чьей-то рукой прикрепленный к раме окна...

Но жизнь продолжается: защищать ее и мстить за павших уходит на фронт командир пулеметной роты лейтенант Мосеев. После тяжелого ранения под Ригой он возвращается в родной город, уже освобожденный от вражеской блокады.

В послевоенные годы Мосеев работает чрезвычайно активно. Оформленные им спектакли идут на сценах крупнейших театров нашего города.

— Балет О. Евлахова «Иувинка» в Малом театре оперы и балета, поставленный замечательной балериной и хореографом Н. Анисимовой, стал для меня известным этапом: я обратился к лубину, народной картинке — к огромному и неисчерпаемому пласту русской культуры.

Хозяин мастерской уже разливает традиционный чай. Продолжается неторопливая беседа об очередной работе, стоящей на мольберте, о погибшем во время войны друге — художнике В. Харкевиче, воспоминания о котором он недавно написал по просьбе секции ветеранов войны Союза художников, о готовящейся большой персональной выставке. А я все не могу оторвать взгляд от летящей на фоне ослепительной радуги и звезд фантастической «Птицы-тройки».

В. ПЕРЦ

Фото автора